

Годжо Хара и Годжо Сатору остановились в нескольких шагах от Тэнгэна. Сатору бесцеремонно уставился на четыре глаза и причудливые очертания древнего мага, после чего громко фыркнул:

— Надо же, господин Тэнгэн, а вы вылитый большой палец! Теперь понятно, почему вам так нужно слияние с юными красавицами. Кто добровольно согласится жить в таком уродстве!

Тэнгэн промолчал, хотя эти слова явно задели его за живое.

Хара мягко улыбнулся, не упустив возможности подлить масла в огонь:

— Сатору, возможно, господин Тэнгэн просто до крайности закомплексован из-за своей внешности. Потому и прячется в Звёздном дворце, не смея показаться людям на глаза.

— Глава клана Годжо, — вздохнул Тэнгэн, — насколько я помню, раньше мы уже встречались.

— Тогда почему в этот раз вы так отчаянно избегали встречи? — прищурился Хара.

Тэнгэн угрюмо промолчал.

— Бойтесь, что я призову вас к ответу? — продолжал давить Хара. — Спрошу, как так вышло, что вы не заметили появление нескольких незарегистрированных проклятий особого ранга? Или испугались, что я стану расспрашивать о той мерзкой твари с мозгами наружу?

Тэнгэн тяжело вздохнул:

— Если тебе нужны сведения о Кэндзяку, мог бы спросить прямо.

Хара язвительно усмехнулся:

— Так эту мыслящую жижу зовут Кэндзяку? Надо же, вы даже имя его знаете. Впрочем, неудивительно для двух тысячелетних старцев. Похоже, вы с ним старые приятели.

На лице Тэнгэна не отразилось никаких эмоций, четыре его глаза оставались неподвижными.

— Врожденная техника Кэндзяку позволяет ему захватывать чужие тела, пересаживая в них собственный мозг, — ровным голосом заговорил он. — Он веками охотится за мной и обладателями Шести глаз. В прошлом ему уже удавалось убивать и Шесть глаз, и Сосуд звездной силы, чтобы сорвать наше слияние. Однако мы трое связаны нерушимым кругом

причин и следствий. Даже если они погибают, со временем мир неизменно рождает новых Шестиглазых и новый Сосуд. Но несколько лет назад вы разбили этот цикл, не дав мне ассимилировать Сосуд звездной силы. Из-за этого началось необратимое перерождение, и сейчас моя сущность всё больше склоняется к проклятому духу. Кэндзяку ждал именно этого момента. Он непременно придёт за мной, чтобы подчинить себе...

Несмотря на бесстрастный тон Тэнгэна, братья без труда уловили в его словах скрытый упрек. Старик явно намекал, что виной всем его бедам и возросшей угрозе со стороны Кэндзяку было их решение спасти Сосуд звездной силы.

Впрочем, Хару и Сатору ни капли не волновало то, что Тэнгэну известно о побеге Аманай Рико. Пусть его так называемое «всеведение» и было сильно преувеличено, связь с Сосудом звездной силы оставалась реальной. Тэнгэн без труда мог определить, жива девушка или мертва, пока та находилась в пределах его Барьера.

Так что Тэнгэн прекрасно знал, что Аманай Рико выжила и просто покинула пределы Барьера.

Однако он предпочёл промолчать и не стал разглашать правду, позволив братьям довести до конца их план с инсценировкой её смерти.

И если их устраивало его молчание тогда, то скрытность старика в отношении Кэндзяку вызывала лишь глухое раздражение.

Зная, какую кашу заваривает этот безумный мозг, Тэнгэн даже пальцем не пошевелил, чтобы предупредить их. Из-за этой преступной халатности они едва не угодили в расставленный капкан.

У Хары и Сатору даже закралось подозрение, что Тэнгэн действует с Кэндзяку заодно.

Пока Тэнгэн продолжал разглагольствовать о нерушимой кармической связи между Тэнгэном, Шестью глазами и Сосудом, Хара окончательно потерял терпение:

— Вы слишком высокого о себе мнения. Что, если Шесть глаз рождаются вовсе не ради вашего спасения, а чтобы сдерживать хаос, который ваше же слияние приносит в мир магов? Вас превозносят уже тысячу лет, и вы, похоже, сами уверовали в свою божественность.

Тэнгэн лишился дара речи. Он провёл в заточении Звёздного дворца слишком много веков без какого-либо общения, совершенно разучившись спорить и отстаивать своё мнение.

— Проклятия слабеют, магов становится всё меньше, а технологии развиваются, — продолжал язвить Хара. — Магия должна была угаснуть, уступив место новой эпохе, и это естественный ход истории. Но из-за вашего пресловутого Барьера Япония превратилась в аномалию. В других странах проклятые духи — огромная редкость. Даже в зонах затяжных военных

конфликтов их рождается меньше, чем у нас. Ваша великая преграда, якобы защищающая человечество, на деле стала крышкой над кипящим котлом, в котором варятся чудовища. А верхушка гнилых мандаринов цепляется за этот Барьер лишь потому, что до смерти боится лишиться власти. Им выгоден этот хаос. Только пока страна кишит тварями, они могут диктовать свои условия правительству.

Хара прекрасно понимал истинное положение вещей, но до поры до времени его это мало заботило.

В конце концов, они с Сатору были сильнейшими. И пока проклятия множились, а обычные люди нуждались в защите, их статус оставался незыблемым.

Хара никогда не помышлял о разрушении Барьера Тэнгэна. Он не был идеалистом вроде Цукумо Юки или Гэто Сугуру, мечтавших избавить планету от проклятой энергии. Единственным человеком, чья судьба его по-настоящему волновала, был его младший брат. Если им двоим жилось комфортно, остальной мир мог катиться в преисподнюю.

Но теперь обстоятельства изменились. Тэнгэн обмолвился, что Кэндзяку жаждет подчинить его себе. А для чего ещё этой твари нужен контроль над древним божеством, если не ради господства над его Барьером?

Каковы бы ни были истинные замыслы Кэндзяку, Барьер Тэнгэна явно занимал в них ключевое место.

Эту крысу, плетущую интриги в тени, Хара мечтал лично пустить на фарш.

И раз уж Кэндзяку планировал использовать Барьер для своих тёмных дел, то почему бы просто не стереть эту преграду с лица земли? Пусть убудок захлебнётся собственной злостью.

Сатору слушал рассуждения брата с нескрываемым удивлением. До этого он искренне верил, что Барьер Тэнгэна — это благо, созданное для поддержания стабильности.

Но теперь, сопоставив факты и вспомнив ничтожное количество проклятий за рубежом, он понял, насколько Хара прав.

За границей мощные проклятия появлялись лишь как следствие исключительных инцидентов: когда слабая тварь пожирала древний артефакт или когда жуткая катастрофа мгновенно приковывала к себе внимание миллионов, порождая волну коллективного страха. В остальное время там не водилось даже мелких паразитов.

В Японии же ситуация дошла до абсурда: проклятия первого ранга плодились на каждом шагу, твари особого ранга лезли изо всех щелей, а некоторые из них даже обрели разум и

членораздельную речь!

Если с уничтожением Барьера Тэнгэна уровень угрозы в стране упадёт до общемирового, жизнь магов превратится в курорт.

Представив, как неделями будет изнывать от безделья без единого задания, Сатору с энтузиазмом спросил:

— Слушай, а почему бы нам тогда просто не разрушить этот Барьер? Сделаем всё как в других странах.

— Даже если я сниму Барьер, — со вздохом вмешался Тэнгэн, — уже существующие проклятые духи никуда не денутся. При этом «Окно» лишится возможности отслеживать их появление, а вспомогательные управляющие не смогут опускать Завесы. Весь наш мир погрузится в хаос на долгие годы.

Сатору задумался. Возразить на это было действительно нечего.

Хара ласково посмотрел на брата:

— Тебе действительно так этого хочется, Сатору?

Сатору закивал и широко улыбнулся:

— Ещё бы! Представь, сколько свободного времени у нас появится. Да и моим ребятам из колледжа не придётся рисковать жизнями на заданиях, едва успев поступить.

Хара мягко улыбнулся:

— Раз уж мой младший брат этого хочет, я сделаю всё, чтобы помочь тебе. Рождение новых проклятий — процесс небыстрый. Мы можем немного поработать сверхурочно: устроить глобальную зачистку, истребить всех сильных тварей, а когда они перестанут представлять угрозу, спокойно снять Барьер. Тогда никаких потрясений не случится. Если после этого где-то и заведётся сильный дух, он будет замечен как маяк в ночи. А неспособность управляющих ставить Завесы — сушья ерунда, маги вполне могут делать это сами.

Трудности, которыми пугал их Тэнгэн, для Хары не стоили и выеденного яйца. Он с лёгкостью мог решить любую из них.

Просто раньше ему не хватало мотивации, но теперь, когда речь зашла о желании Сатору, любящий старший брат был готов свернуть горы.

Тэнгэн ошеломлённо наблюдал, как двое юношей с Шестью глазами буднично обсуждают уничтожение дела всей его жизни. Ему отчаянно хотелось спросить: «Вы вообще уважаете старость? Я для вас пустое место?»

Однако, бросив взгляд на дымящиеся руины Звёздного дворца, которые они только что разнесли в щепки, божество сочло за благо промолчать.

Что не так с этой эпохой? Откуда вообще взялись двое обладателей Шести глаз одновременно?

Тэнгэн задавался тем же вопросом, что и Кэндзяку, но ответа у него не было.

Хара попытался выведать больше подробностей о Кэндзяку, но Тэнгэн лишь развёл руками:

— Мои знания о нём скудны. Я узнал о его существовании лишь потому, что он раз за разом убивал моих Сосудов и носителей Шести глаз. Мой долг — поддерживать Барьер, поэтому я не могу покинуть Звёздный дворец. Кэндзяку — непревзойдённый мастер барьеров, его мастерство едва ли уступает моему. Он умеет полностью скрывать своё присутствие, так что мне неизвестно, где он прячется и чем занимается.

Хара долго и пристально вглядывался в лицо Тэнгэна, после чего холодно усмехнулся:

— Вы лжёте. Если бы Кэндзяку действительно с такой лёгкостью расправлялся с Шестью глазами и Сосудами, ваше слияние давно было бы сорвано раз и навсегда.

— Я же объяснил, — бесстрастно отозвался Тэнгэн. — Мы связаны неразрывным кармическим кругом. Даже если Кэндзяку убивал их, к моменту слияния мир неизменно рождал новых защитников.

Хара презрительно фыркнул:

— Допустим. Но что мешало ему уничтожать их младенцами? Любой гений в колыбели слаб и беззащитен. Убей одного — родится другой, так убей и его! Если держать Шесть глаз в состоянии вечного младенчества, то к моменту вашего слияния защищать Сосуд будет некому. Тэнгэн, если уж пытаетесь вешать мне лапшу на уши, придумайте ложь поубедительнее.

Тэнгэн онемел. Как доказать этому наглецу, что при всей своей недосказанности он сейчас не соврал ни единым словом?

Слова Хары заставили древнего мага всерьёз задуматься. А ведь действительно... В прошлом Кэндзяку однажды убил новорождённого младенца с Шестью глазами, но когда тот почти сразу переродился, он отступился от этой затеи и решил впредь прибегать к запечатыванию.

Но ведь маленькие Шестиглазые были уязвимы, а клан Годжо никогда не смог бы уберечь дитя от тысячелетнего монстра. Если бы Кэндзяку методично вырезал новорождённых наследников, они бы никогда не успевали вырасти. А неспособный сражаться младенец ничем не лучше отсутствия Шести глаз вовсе.

То же самое касалось и Сосудов. Даже если на смену убитой девушке рождалась новая, Тэнгэн сильно сомневался, что скорость их появления превысила бы жажду крови Кэндзяку.

Тогда почему и он сам, и Кэндзяку столько веков слепо верили в нерушимость этого проклятого круга причин и следствий?

Тэнгэн искоса глянул на Хару четырьмя глазами, мысленно благодаря судьбу за то, что Кэндзяку пятьсот лет назад не отличался таким острым умом. Столкнувшись с мгновенным перерождением Шести глаз, тот просто сдался и прекратил попытки убийства младенцев.

Иначе Тэнгэн вряд ли дожил бы до этой безумной эпохи, явившей миру сразу двух Шестиглазых.

Хара, окончательно убедившись, что старик водит их за нос, перешёл к прямым угрозам:

— Твоя природа сейчас ближе к проклятым духам, а значит, тебя вполне можно подчинить техникой манипуляции проклятиями. Если продолжишь вилать, я позову сюда Гэто Сугуру.

Сатору тут же выхватил телефон и приложил к уху, делая вид, что набирает номер:

— Алло, Сугуру? Братишка, я тут нашёл дикого и жутко редкого четырёхглазого покемона! Давай дуй сюда быстрее, ловить будем!

— Я не лгу вам! — занервничал Тэнгэн. — Кэндзяку искренне верил в это! Почему, по-вашему, он не тронул вас в колыбели? Да потому что он тоже был убеждён, что Шесть глаз можно лишь запечатать, но не уничтожить!

— Меня пытались убить, когда мне исполнилось тринадцать, — ледяным тоном оборвал его Хара. — И после этого ты смеешь утверждать, будто он не хотел избавить мир от Шести глаз?

Тэнгэн оцепенел. Он и не подозревал, что Кэндзяку совершил покушение на Хару в столь юном возрасте. Теперь его собственные оправдания казались дешёвой и неумелой ложью. Поняв, что спорить бесполезно, старик взмолился:

— Я готов заключить с тобой Небесное обязательство. Оно подтвердит, что каждое моё слово — чистая правда.

— Идёт, — не раздумывая согласился Хара.

Он с самого начала не доверял Тэнгэну, и скрепить их разговор железными узами контракта было лучшим выходом. Даже если бы старик не предложил это сам, Хара всё равно заставил бы его пойти на сделку.

Он обожал использовать Небесные обязательства в делах. Все его подчинённые и партнёры были связаны клятвами, ведь только суровая кара за их нарушение гарантировала абсолютную верность слову.

Когда магический контракт вступил в силу, Тэнгэн слово в слово повторил всё, что знал о Кэндзяку, напоследок добавив:

— Клянусь, это чистая правда.

Только после этого Хара удовлетворённо кивнул и спросил:

— Есть ли ещё что-то, о чём ты умолчал?

Тэнгэн заколебался, но под давлением Небесного обязательства был вынужден заговорить:

— Конечная цель Кэндзяку — вернуть золотой век магии, который процветал тысячу лет назад. Мой Барьер нужен ему для того, чтобы насильно превратить всех не-магов в стране в полноценных магов.

Ещё минуту назад Тэнгэн планировал утаить эту важную деталь, но против воли контракта пойти не мог.

Хара внутренне усмехнулся. Старая лиса всё-таки пыталась схитрить.

Впрочем, сами по себе амбиции Кэндзяку вызывали ироничное дежавю.

«Я создам мир, где будут жить только маги!»

«Не твои ли это слова, благородный братец Гэто Сугуру?»

Вот только Сугуру шёл к этой цели по самому простому и глупому пути — пытаюсь вырезать всех обычных людей до единого.

Кэндзяку же мыслил куда шире. Он потратил тысячу лет на то, чтобы разработать способ перерождения не-магов. Его размах, ум и решимость превосходили убогие методы Гэто на

несколько голов.

В конце концов, у Кэндзяку действительно были мозги — причём в буквальном смысле, ведь Хара до сих пор не мог сосчитать все его фальшивые черепные коробки.

А вот Сугуру с его безумной идеей тотального геноцида, кажется, думать головой совсем не умел.

Мысленно поглумившись над Гэто, Хара озвучил суровую реальность:

— План провальный. Барьер Тэнгэна физически невозможно растянуть на весь земной шар, чтобы охватить миллиарды людей. К тому же, если все поголовно станут магами, проклятые духи просто исчезнут. А согласно закону равновесия нашего мира, следом за проклятиями канет в небытие и сама магия.

Тэнгэн неловко замолчал. Как признаться этим юнцам, что в представлении древних старцев под «всем миром» всегда понималась исключительно крошечная Япония?

— Кэндзяку метит лишь на территорию нашей страны, — поправился старик. — Детали его планов мне неизвестны, но подобные метаморфозы потребуют колоссального количества невинных жертв.

— Само собой, — пренебрежительно бросил Хара. — Безопасных методов превращения обычных людей в магов не существует в природе.

Будь такой способ реален, Три великих семейства не гнобили бы собственных детей, родившихся без таланта к проклятой энергии, а просто наделяли бы их силой искусственно.

Хару больше интересовали практические детали: какими ещё козырями владеет Кэндзяку и где прячутся его запасные оболочки.

Но Тэнгэн лишь виновато развёл руками:

— Я бессилен помочь. Он мастерски обманывает мои чувства. Те духи стихийного бедствия особого ранга смогли проникнуть под Барьер незамеченными только благодаря его техникам маскировки. Я не знаю, где скрываются его копии.

Действие контракта гарантировало, что старик не врёт. Хара разочарованно вздохнул и бросил:

— Да уж, господин Тэнгэн, толку от вас как от козла молока.

Закончив разговор, он увёл ухмыляющегося Сатору прочь.

Позади них сияли руины Звёздного дворца, который после их визита превратился в площадку под открытым небом прямо под фундаментом Токийского магического колледжа.

Выйдя на поверхность, братья оглядели разрушения. Их совместный «Фиолетовый» превратил добрую половину учебных корпусов в горы щебня. Хара и Сатору переглянулись и, не сговариваясь, мгновенно телепортировались подальше от места преступления.

Оставаться и выслушивать лекции о морали от Яги Масамити им абсолютно не хотелось.

Впрочем, Хара всё же обладал зачатками совести. Он оперативно отправил в колледж элитную строительную бригаду, находящуюся на службе его клана.

Ремонт Звёздного дворца они тоже взяли на себя. Для Хары, зарабатывавшего за секунду больше, чем обычный человек за всю жизнь, расходы на восстановление школы были каплей в море.

Гораздо больше хлопот сулило неминуемое разбирательство с Главным советом магов и двумя другими великими семействами.

Дерзкий налёт наследников Шести глаз на обитель самого Тэнгэна и колоссальный ущерб дали Дзэннынам и Камо идеальный повод уколоть лидирующий клан.

На все обвинения Хара с самым невозмутимым видом отвечал:

— В Звёздный дворец проникли опаснейшие проклятые маги. Спасая жизнь достопочтенного Тэнгэна, мы с братом были вынуждены вступить в бой. Противники оказались столь сильны, что нам пришлось объединить усилия. Если не верите, спросите у самого господина Тэнгэна.

Советники и главы кланов Дзэннин и Камо лишились дара речи. Они понимали, что их держат за круглых идиотов. В целом мире не существовало врага, против которого сильнейшему дуэту современности потребовалось бы драться плечом к плечу!

Но как бы они ни злились, Хара стоял на своём с непрошибаемым упорством.

Тогда глава клана Дзэннин, Наобито, решил зайти с козырей:

— Глава клана Годжо, на месте сражения криминалисты обнаружили следы проклятой энергии только от вас и вашего брата. Никаких чужих остаточных следов там нет и в помине.

— Наш противник владел техникой сокрытия следов, — парировал Хара. — Иначе как бы он пробрался сквозь защитные барьеры Токио, не подняв тревоги? Его навыки превосходили всё, с чем мы сталкивались ранее, потому нам с Сатору и пришлось нанести совместный удар.

Наобито скрипнул зубами. Наглость этого мальчишки не знала границ.

Хуже всего было то, что ложь сработала. Кое-кто из Главного совета магов неуверенно подал голос:

— Вообще-то... слова главы клана Годжо звучат резонно. Разве в самом клане Дзэннин не рождался человек с полным отсутствием проклятой энергии из-за Небесного проклятия? Тот самый Убийца магов тоже не оставлял после себя никаких следов.

Наобито едва сдержал поток ругательств. Сборище трусливых кретинов умудрилось подставить его собственный клан!

Хара с едва заметной улыбкой наблюдал за назревающим расколом внутри Главного совета.

Он давно скупил половину старейшин совета с потрохами. До поры до времени эти марионетки изображали нейтралитет, чтобы в нужный момент нанести точечный и абсолютно легальный удар в спину его оппонентам.

Их вмешательство выглядело логичным спором фракций, и никто даже не догадывался, кто на самом деле дёргает за ниточки.

Поскольку совет состоял из множества мелких группировок, подобные склоки были обычным делом.

Поняв, что совет раскололся, Дзэннины и Камо поспешили свернуть допрос. В одиночку они просто не смели давить на лидера Годжо.

Хотя Три великих семейства по-прежнему считались столпами общества магов, Годжо давно ушли в глубокий отрыв, оставив конкурентов далеко позади.

Собственно, именно поэтому Дзэннины и Камо пытались действовать через Главный совет — только его авторитет давал им хоть какую-то иллюзию законного права голоса.

Сами по себе они были лишь крупными семьями, не имеющими ни сил, ни права требовать отчёта от сильнейшего мага поколения.

Наобито и лидер клана Камо прекрасно знали истинную разницу между братьями. В то время как Сатору казался дерзким бунтарём, нарушающим все правила, его угрозы расправы чаще

всего оставались лишь словами. Хара же, напротив, всегда выглядел вежливым, утончённым и благородным господином. Но когда дело доходило до устранения препятствий, он убивал без малейших колебаний.

Слухи о том, как Хара хладнокровно прикончил одного из высокопоставленных советников прямо в зале заседаний, тщательно замяли. Но верхушка шаманов помнила этот урок слишком хорошо, чтобы испытывать судьбу дважды.

<http://bllate.org/book/19549/2004379>